

Лев Клейн.

Время кентавров. Степная прародина греков и ариев.

СПб.: Евразия, 2010. 496 стр., 153 рис., 49 цветн. илл. ISBN 978-5-8071-0367-3

Л. С. Клейн, всемирно известный петербургский археолог и историк, обобщил и развил в рецензируемом труде свои многолетние исследования археологии Евразии, древних текстов (прежде всего «Илиады»), загадочных ископаемых артефактов и многих других сюжетов, связав определенные центральноевропейские археологические культуры с предками народов, заселивших Балканы и Малую Азию: хеттов, лувийцев, фракийцев, фригийцев, греков. То, что книга названа в аннотации «научно-популярным», а в выходных данных «научным» изданием — не просто недосмотр издательских работников (которых, кстати, стоит поблагодарить за прекрасное издание с великолепными иллюстрациями, в том числе с цветными вклейками). Автор, предназначая ее «образованному читателю, не подготовленному профессионально» (стр. 10), не собиравшись при этом поступаться научной аргументацией. Соответственно в тексте мы найдем и популярное изложение принципов, скажем, сравнительно-исторического языкознания, и высокопрофессиональный анализ археологических культур. К сожалению, есть и ошибки, которые иначе как небрежностью не объяснишь. Так, на стр. 201 утверждается, что в «Ригведе» якобы упоминаются только три варны, а не четыре. На самом деле в единственном пассаже этого памятника, где перечисляются варны (X 90, 11–12), поименованы все четыре, включая шудр (хотя автор книги прав в том отношении, что первоначально варн, очевидно, было именно три). Слово «сатем» означает число «сто» не на [древне]индийском, как написано на стр. 30 и 116, а на древнеиранском авестийском. На стр. 327 упоминается «древнекитайская система гадания “И Цзинь”». «И цзин» (а не «Цзинь») — не система гадания, а классический мантический текст, «Книга перемен». Эти и другие неточности тем более обидны, что они, хотя и не ставят под сомнение основные выводы, могут соз-

дать у читателя, особенно читателя пристрастного (а таких, учитывая, что Л. С. Клейн смело вторгается в разного рода «эзотерические» области, специалисты в которых строго блюдут свою науку от посторонних посягательств, наверняка будет много), неблагоприятное впечатление и дать ему повод с порога отместить все неортодоксальные идеи. Постараемся же, не поддаваясь ни чувству досады на «невынужденные», выражаясь спортивным языком, промахи, ни обаянию личности и стиля автора, оценить его гипотезы по достоинству.

Обзор индоевропейской лингвистической компаративистики выполнен добротной и изложен увлекательно, как, собственно, и вся книга. Отмечу два принципиальных момента, с которыми нельзя согласиться, хотя я и не склонен ставить их в вину автору — все-таки он по основной специальности археолог, а не языковед (хотя и получил филологическую подготовку под руководством самого В. Я. Проппа).

Во-первых, вопреки утверждению, будто «не очень ясно проступают» **связи индоевропейских и северокавказских языков** (стр. 24), северокавказские слова обнаруживаются среди индоевропейских названий частей тела, животных (включая индоевропейское обозначение коня), растений, орудий, продуктов и пр., что убедительно объясняется северокавказским субстратом в праиндоевропейском (Старостин 1988; переиздано в Старостин 2007).

Во-вторых, не повезло в обзоре **глотохронологии** — методике, позволяющей вычислить время расхождения родственных языков и, соответственно, распада языковых семей и подгрупп. Ее постулаты излагаются в соответствии со взглядами умершего в 1967 году основателя этой дисциплины Морриса Сводеша (соответственно для ознакомления с ее «возможностями и слабостями» читателю предлагается обратиться к изданной полвека назад

работе Г. А. Климова), а «самым современным применением глоттохронологии к индоевропейской проблеме» (стр. 119) считается работа новозеландских то ли биологов, то ли психологов (статья, опубликованная в журнале «Nature», использовала «методы эволюционной биологии», а авторы на тот момент трудились на кафедре психологии Оклендского университета), но в любом случае не лингвистов Рассела Грея и Квентина Эткинсона (Gray & Atkinson 2003).

Однако последний по времени — не обязательно современный. Будучи дилетантами в сравнительно-историческом языкознании, из нововведений последних десятилетий Грей и Эткинсон усвоили только, что заимствования в стословных списках базовой лексики следует исключать из подсчетов, зато подняли на щит старую идею критиков Сводеша о том, что скорость изменений основной лексики отличается от языка к языку¹. Мимо них прошло фундаментальное открытие С. А. Старостина (Старостин 1989; переиздано в Старостин 2007, 407—447; Starostin 2000) (хотя на издание, в котором опубликован английский вариант статьи Старостина, они ссылаются), показавшего, что нельзя целиком заимствовать математический аппарат из теории радиоактивного распада, как это сделал Сводеш, поскольку слова, в отличие от нейтронов, «стареют». Вместо формулы, предполагавшей постоянную скорость изменений, наш замечательный лингвист предложил новую, учитывающую, с одной стороны, ускорение изменений по мере «старения» слов, а с другой — замедление скорости изменений по мере выпадения из списка менее устойчивых слов. Подсчеты по ней, выполняемые теперь при помощи компьютерной программы, дают, судя по языковым семьям и группам, для которых исторически засвидетельствовано время распада, куда лучшие результаты по сравнению с классической глоттохронологией Сводеша, чего никак нельзя сказать о выкладках Грея и Эткинсона. При взгляде на их красочное древо индоевропейских языков, приведенное в рецензируемой книге в качестве иллюстрации 47, бросаются в глаза вопиющие несуразности, не позволяющие принимать всерьез эту версию глоттохронологии.

¹ Отдал дань этому заблуждению и автор рецензируемой книги, утверждая, что исландский язык изменялся очень медленно, а английский — очень быстро (стр. 35). При исключении из подсчетов заимствований (о чем сам Л. С. Клейн пишет двумя фразами выше) подобные различия в значительной степени нивелируются.

Скажем, время распада праиранского Грей и Эткинсон относят к середине VI в. до н. э. (2500 лет от условно настоящего времени, 1950 года, по-английски BP, сокращение от before present). Выходит, уже долгое время существовали Мидийская, а затем Ахеменидская империи, а все иранцы продолжали говорить на праязыке? Но ведь к рубежу VI—V вв. относятся надписи Дария I, фиксирующие западноиранский древнеперсидский язык, успевший значительно измениться по сравнению с праязыковым состоянием (переходы $*\acute{s} > \theta$, $*\acute{z} > d$, $*tr > \zeta$, $*t_i > \acute{s}y$, $*\acute{s}u- > -s-$ и пр.), и вошедшие в древнеперсидский слова другого западноиранского языка, по всей видимости, мидийского (где $*\acute{s} > s$, $*tr > \theta r$, $*\acute{s}u- > -sp-$ и пр.). Следовательно, к тому времени разошлись даже западноиранские языки, а ведь были еще и восточные. Один из последних, скифский, судя по передаче самоназвания его носителей в аккадском и греческом, уже в VII в. до н. э. демонстрировал характерный восточноиранский переход $*d > \delta$ (δ). Кроме того, процент общей лексики стословного списка между такими, например, иранскими языками, присутствующими на схеме Грея и Эткинсона и, следовательно, разошедшимися, согласно выкладкам новозеландских авторов, не ранее середины VI в. до н. э., как афганский (пашто) и ваханский составляет 49,38%. Практически такой же процент совпадений (50%) наблюдается и между русским и литовским списками. При этом, однако, расхождение балтийских и славянских языков Грей и Эткинсон датируют рубежом XV—XIV вв. до н. э. (3,400 BP). Да, наличие в афганском и ваханском списках большого количества заимствований могло послужить возмущающим фактором, но не до такой же степени, чтобы омолодить датировку на девять столетий! И действительно, вычисления по формуле Старостина дают для дивергенции литовского и русского, с одной стороны, и афганского и ваханского, с другой, сходные даты, относящиеся к концу II тыс. до н. э. Старостинская модификация традиционной глоттохронологии в рецензируемой книге, однако, не разбирается (лишь мельком упомянуто, что он предложил исключить из подсчетов заимствования, ср. выше), а разработанная им корневая глоттохронология, позволяющая вычислять время расхождения языков не по спискам основной лексики, а по анализу корней в нарративных текстах (что особенно важно для плохо документированных языков), даже не упоминается. Отсюда и утверждение, будто глоттохронология «дает лишь очень приблизительные и шаткие выводы» (стр. 36), что справедливо в отношении глоттохронологии Сво-

деша и Грея-Эткинсона, но никоим образом не соответствует действительности применительно к глоттохронологии Старостина.

Рассмотрев существующие теории языковых изменений, Л. С. Клейн с полным основанием присоединяется к господствующему в отечественной компаративистике положению, согласно которому сравнительно-историческое языкознание, при всех имеющихся оговорках, должно исходить из модели генеалогического древа. В связи с этим возникает вопрос о соотношении (пра)языков и археологических культур. Как отмечает Л. С. Клейн, «[н]есмотря на все контакты, скрещения и смешивания, языки все-таки передаются следующим поколениям как цельные системы. Они размножаются делением, и каждый имеет одного главного предка. *А культуры системами не являются* (курсив автора книги. — С. К.). Каждая получает разные компоненты из разных источников, то есть каждая имеет, по меньшей мере, несколько предков, и какой из этих компонентов совпадает с языковой преемственностью, с ходу определить невозможно» (стр. 38).

Выход Л. С. Клейн видит в том, чтобы, определив лингвистическими методами вероятную прародину и время распада языковой семьи, археологически проследить миграции с соответствующей территории в соответствующее время (стр. 39).

Для выявления миграций по археологическим материалам Л. С. Клейн разработал специальную методику, включающую 1) обнаружение вне исследуемого ареала прототипов артефактов и обрядов, мало поддающихся перемещению без людей; 2) разрушения от вторжений; 3) антропологические связи. Основываясь на этих критериях и привлекая лингвистические данные, автор убедительно прослеживает волны миграций с севера на Балканский полуостров и в Малую Азию и истоки известных из письменных или археологических источников культур Ближнего и Среднего Востока, Средней Азии и Индостана. Высокоразвитая догреческая цивилизация, знавшая крепостные стены, могильники вне поселений, двухэтажные общественные здания, печати, изысканную, хотя и лепную керамику, сменилась с концом раннеэладской эпохи II (РЭ II) ок. 2150 г. до н. э. культурой более низкого уровня, где строились дома с дугообразной торцевой стеной («дом с апсидой») и с обмазанными глиной хозяйственными ямами внутри. Мертвых хоронили на поселениях, под стенами и полами жилищ, а также под курганами в ямах, пифосах или каменных цистах. Часть керамики стали изготавливать на круге (стр. 79—80).

Но еще до вторжения носителей этой культуры и одновременно с ним с севера приходили и другие народы. Так, в Лерне (Арголида, Пелопоннес) на рубеже РЭ II и РЭ III на месте дома правителя был сооружен курган-кенотаф с кромлехом, непосредственно к его насыпи был пристроен деревянный дом с апсидой, а над ним один над другим прямо в полу кургана врезаны каменные апсидные дома. Согласно Л. С. Клейну, курган насыпали пришельцы, принесшие с севера наряду с обычаем воздвигать подобные погребальные сооружения также каменные боевые топоры и шнуровую керамику — их он считает протогреками, изначально, возможно, носителями буджакской (в его терминологии — нерушайской) культуры Поднестровья с ответвлениями в Венгрии, Румынии и Сербии — а дома с апсидой строили пришельцы, генетически связанные в конечном счете с носителями баденского культурного комплекса в Подунавье и говорившие на анатолийских языках, поскольку аналогии баденской культуре имеются в Малой Азии, прежде всего в Трое (апсидные дома, хозяйственные ямы-бофры, погребения в пифосах, модели повозок, личинные урны и пр.). Предков фригийцев автор рецензируемой работы считает носителями культур с личинными урнами и инкрустированной керамикой на территории современных Венгрии и Румынии (ср. ниже), а прафракийцев связывает с культурой многоваликовой керамики, сложившейся на основе буджакской (нерушайской) (стр. 84—88, 107—110), и (хотя и с вопросительным знаком) с созданием микенской цивилизации (стр. 94).

Индоариев Л. С. Клейн выводит из круга катакомбных культур Северного Причерноморья. В отличие от одного из крупнейших специалистов по евразийским степным культурам бронзового века Е. Е. Кузьминой, придерживающейся мнения о принадлежности предкам индоариев федоровского варианта андроновской культуры (чьи памятники обнаруживаются от Южного Урала и Центрального Казахстана до Енисея), автор рецензируемого труда считает носителей всех андроновских культур иранцами². Как общеарийскую (под

² Косвенным доказательством того, что иранцев в Греции и близ нее в ранний период греческой истории не было, автор книги считает отсутствие в греческом иранских заимствований микенского времени, за исключением единственного слова τόξον «лук» (стр. 68). Если быть точным, с микенского времени известен еще один иранизм в греческом, ῥόδον «роза», но сути дела это не меняет — два слова, конечно, больше, чем одно, но все равно очень мало. Правда, индоарийских заимствований в греческом и вовсе не прослеживается.

которой, поскольку о нуристанцах в работе речи нет, явно подразумевается индоиранская³ — ср. стр. 114: «арийский пранарод... давший начало двум ветвям — индоарийской и иранской»), он, вслед за Н. Я. Мерпертом (стр. 219), определяет ямную культуру. Тут, однако, возникает некоторая сложность. Ямная культура существовала, по Л. С. Клейну, в конце IV — начале III тыс. до н. э., а индоиранское единство распалось, судя по глоттохронологии, в первой половине II тыс. до н. э.⁴ На последнюю датировку указывают и экстралингвистические данные. С точки зрения хронологии индоиранской эпохи интересно в них то, что представители варны воинов (древнеиндийские кшатрии) в иранской традиции, несмотря на наличие там весьма употребительного корня *xšā(y)*- «властвовать», этимологически и семантически соответствующего древнеиндийскому *kshā-* / *kshay-* / *kshi-*, именовались не производным от этого корня, а сложным словом, означающим «стоящий на колеснице» (авест. *raθaēštā-* / *raθōiš-tā-* / *raθaēštar-*, пехлевийское *artēštār*). Полное соответствие этому термину представляет собой древнеиндийское (ригведийское) *ratheshthā/ā-*. Правда, в Ригведе нет таких недвусмысленных контекстов, как в Авесте, где прямо говорится, что *raθaēštā-* — олицетворение воинской, resp. властной функции (*kāiš pištrāiš... raθaēštāi*: «Каковы пиштры? ... ратайшта...» — Yasna XIX, 17 и пр.), но ведийская лексема неизменно является эпитетом Индры, воина и царя *par excellence* (Wikander 1938; Кулланда 1995), что вкупе с иранским сравнительным материалом заставляет трактовать ее именно как социальный термин, а не просто как одно из обозначений колесничего. Все это дает основания утверждать, что боевая колесница была известна «арийским племенам еще до распада индоиранского языкового и культурно-исторического единства» (Грантовский 1998: 64), а также использовать данные о ее распространении для датировки одного распада, что впервые предложил Э. А. Грантовский. Ведь легкая колесница с конской запряжкой и колесами со спицами, судя по археологическим данным и изобразительному

³ На самом деле арийское языковое единство первоначально, видимо, разошлось на нуристанскую и индоиранскую ветви, а уже затем последняя распалась на индоарийскую, иранскую и дардскую подгруппы (Эдельман 1992, 1999, 2009: 88, схема 2; Коган 2005: 202).

⁴ Даже если ориентироваться на языки, имеющие между собой наименьший процент лексических сходжений в словном списке (что, скорее всего, объясняется их недостаточной изученностью), время распада можно удревнить максимум до конца III тыс. до н. э.

материалу, широко распространилась по Евразии лишь в XVII—XVI вв. до н. э., с чем согласны все исследователи, независимо от того, считают ли они, что эта колесница впервые появилась на Ближнем Востоке (Littauer & Crouwel 1979: 68—71; Горелик 1985) или в евразийских степях (Кузьмина 1994: 165—171; Kuz'mina 2007: 131—138). Поскольку колесница была индоиранской реалией, время ее появления и распространения, «первая половина II тыс. до н. э., дает надежный *terminus post quem* для распада индоиранской общности» (Грантовский 1998: 68) или, по крайней мере, культурного единства и языкового союза индийцев и иранцев на их общей прародине и смежных территориях. Считать индоиранской культуру, прекратившую существование за тысячу лет до распада индоиранской общности, трудно. Не берусь судить о правомерности тех или иных археологических датировок, но, может быть, для ямной культуры допустимо принять иную верхнюю границу, подобную той, что приводится у Мэллори и Адамса (Mallory & Adams 1997: 651), а именно, примерно 2200 г. до н. э.? В таком случае отпали бы хронологические возражения против отождествления носителей ямной культуры с ариями. Если придерживаться хронологии, сторонником которой является Л. С. Клейн, можно было бы вслед за Мэллори считать, что эта культура отражает греко-армяно-арийский диалектный континуум (см. об этом Kuz'mina 2007: 300). Правда, Л. С. Клейн склонен думать, что данный континуум представляли носители новосвободненской культуры Северо-Западного Кавказа (стр. 321). Так или иначе, здесь есть над чем поразмыслить.

Большой интерес представляют прослеживаемые автором точки соприкосновения между катакомбными культурами Северного Причерноморья и культурой индоариев в Индии. Аналогии он подразделяет на три вида: 1) сквозные сходства, отмеченные не только в крайних сравниваемых точках, но и в ряде культур на пути из понтийских степей в Индостан; 2) незавершенные ряды аналогий, либо не доходящие до Индии, либо не засвидетельствованные во всей цепи промежуточных культур; 3) прямые соответствия причерноморским феноменам в культуре Индии, не фиксируемые в промежуточных культурах (стр. 197). К числу первых Л. С. Клейн относит конские погребения и совместные захоронения мужчины и женщины⁵, ко вторым — катакомбы (встречающиеся от При-

⁵ Автор отмечает, что совместные захоронения есть и в срубной культуре, но в процентном отношении их там гораздо меньше.

черноморья до Афганистана, но пока не обнаруженные на территории современных Пакистана и Индии), и т. н. курильницы, к третьим — окрашивание охрой голов, кистей и стоп, отмеченное в катакомбных погребениях и в индийской этнографии, игру в кости, наличие чеканов и булав (древнеиндийская ваджра) и пр. (стр. 201—217). Чрезвычайно интересно наблюдение о том, что в парных катакомбных погребениях к западу от Дона покойники лежат лицом друг к другу, а к востоку от Дона — мужчина за спиной женщины. Для среднеазиатских катакомб характерна первая поза, из чего делается вывод, что на восток мигрировала западная часть катакомбников (стр. 204—205). Еще одно яркое доказательство движения катакомбников на восток — находка в могильнике Шах-тепе на территории Ирана к юго-востоку от Каспия молотковидных булавок, типичных для ямных и катакомбных могил Приазовья и Причерноморья (стр. 212—215). Весьма изящен очерк о принципах игры в обнаруживаемые в новосвободненских и катакомбных погребениях кости и их соотношении с принципами игры в древней Индии. Правда, и в этом разделе есть к чему придраться. Например, у индоариев явно существовали колесницы, будь то боевые или предназначенные для ристаний⁶ (см. выше), которых не было у катакомбников, знавших только тяжелые повозки со сплошными колесами, о чем подробно пишет сам автор книги (стр. 187, 318). На стр. 211 говорится (со ссылкой на предшественников), что миф об Индре и Вритре (чье имя буквально означает «препятствие», а эпитет Индры Вритрахан — «разбивающий препятствие»), в котором Индра пробивает путь водам, есть мифологическое объяснение происхождения порогов на

⁶ Л. С. Клейн сомневается в существовании в догосударственных обществах боевых колесниц, солидаризируясь с Ф. Р. Балоновым, полагающим, что для колесниц необходимо искусственно выровненное поле: «ни дикая степь, ни лес, ни горная местность для них не годятся» (стр. 318). Но ведь для атаки в конном строю тоже необходимо относительно ровное и открытое поле боя, однако же конница успешно действовала в «дикой степи», специально для битвы не обустроенной. То, что обнаруженные в синташтинских погребениях колесницы могли вместить одного человека, а для боевых действий требуются двое, возничий и воин (там же), не означает отсутствия у синташтинцев боевых колесниц. Помещенные в могилы колесницы явно не предназначались для практического применения и потому могли быть меньше обычных (или же погребали колесницы для ристаний, что вовсе не исключает параллельного существования боевых). Да и божества, связанные с конями и колесницами (индийские Ашвины, греческие Диоскуры), выступают в паре (см. об этом Parpola 2004—2005).

Днепре, «главной реке западных катакомбников». Но ведь миф о преодолевающем препятствия, Вритрахане-Вретрагне — индоиранский (см. Benveniste & Renou 1934), и его нельзя считать свидетельством индоарийской принадлежности катакомбной культуры. Даже если принять приведенное этимологическое толкование, придется признать, что Днепр был «главной рекой» еще не разделившихся индоиранцев. Автор напрасно принимает на веру утверждение О. Н. Трубочева (Трубочев 1999 [впервые опубликовано в 1976 г.]: 33—35), будто имена скифских царей Τάξακις и Πάλακος объяснимы только из индоарийского, но не из иранского (стр. 184). Первое совершенно не обязательно сопоставлять с древнеиндийским именем мифического змея Такшака или с древнеиндийским же корнем *taksh-* (которому в иранском соответствует *taš-*), этимологически родственным русскому «тесать»; оно может восходить либо к упомянутому в примечании 2 иранскому слову, от которого произошло греческое τόξον «лук» (ср. встречающееся в «Шах-намэ» *taxš* «стрела» — Horn 1893: 84), либо к корню со значением «стремиться» (авест. *θβαχš-*) (передача иранского сочетания *xš* греческой буквой «кси» абсолютно закономерна) с характерной для скифского потерей лабиализации — ср. скифский показатель множественности *-t(a)-* из общеиранского **-tūa-*, второе же, как показал Э. А. Грантовский, происходит из иранского **Pāda* (ср. древнеперсидское *pāda* «нога» и т. п.) опять-таки с характерным скифским переходом **d > δ > l* и означает «Ногастый; (Длинно)ногий».

Гипотеза о связи культуры долины Свата V в Пакистане (с погребениями сожженных останков в личинных и ящичных урнах) с историческими фригийцами столь же смела и притягательна. Как пишет Л. С. Клейн, в XIV—XIII вв. до н. э. из Европы, предположительно из балкано-дунайского региона, вышли фригийцы, сокрушившие Хеттскую империю. «Несколько позже, в XI в., на подступах к Индии появился европейский народ, принесший с Дуная новый для Индии погребальный обряд — захоронение остатков кремации в урнах (в том числе лицевых и ящичных), способ, сложившийся в среднем бронзовом веке на Дунае» (стр. 260). По мнению исследователя, отождествить носителей культуры Свата V с фригийцами позволяет, помимо сопоставления археологических данных, и анализ древнеиндийской мифологии, где сведения об урнах-хранилищах душ связаны с образом Бхригу, родоначальника одного из жреческих родов и одновременно горшечников. Про-

слеживает Л. С. Клейн и связь Бхригу с урновым погребением, напоминая о мифе, по которому сын Бхригу, Чьявана, был накрыт холмом-муравейником, откуда выглядывал сквозь две дырочки. Автор книги считает это отражением способа захоронения в личинных «глазастых» урнах под курганом. Что же касается фригийцев, ему представляется очевидной связь этнонима Φρύγες (вар. Βρύγες, Βρίγες) «фригийцы» с именем Бхригу. Однако древнеиндийская форма последнего имени (в отличие от принятой транскрипции, отражающей современное произношение носителей новоиндийских языков) имела вид *Bhṛ̥gi*, что уже сложнее вывести из названия фригийцев или возвести к общему с ним этимону (индоевропейский **r* должен был дать в микенском *or* или *ro*, в ионийско-аттическом *ar* или *ra*). Недаром специалисты, начиная с Куна (Kuhn 1859: 21 f.), если и сравнивали имя Бхригу с каким-либо зафиксированным античной традицией этнонимом, то не с фригийцами, а с упомянутым у Гомера (II. XIII, 302) народом Φλέγυαι (последующая традиция дает и вариант Φλέγυες), тем более что его название связано с греческим φλέγω «поджигаю, воспаляю» (восходящим к варианту **b^hleg-* индоевропейского корня со значением «жечь», «блистать» — *Bhṛ̥gi* восходит к варианту *b^hlg-* с индоиранским ротацизмом), а сам Л. С. Клейн справедливо напоминает о связи Бхригу с огнем. Различие между фригийцами и флегийцами кажется на первый взгляд несущественным, но с точки зрения исторической фонетики оно принципиально. С другой стороны, можно вспомнить греч. φρύγω «жарю», которое некоторые специалисты (например, Шантрэн — Chantraine 1999: 1230) возводят к тому же корню, что и φλέγω (правда, другие, например, Беекес, с этим категорически не согласны — Beekes 2010, II: 1593—1594). Любопытно, что в латинском имеется синонимичный глагол *frigo*, по части вокализма вроде бы относящийся к φρύγω как Βρίγες к Φρύγες. Одним словом, полностью исключить связь между этнонимом «фригийцы» и именем Бхригу, учитывая окказиональное появление нерегулярных фонетических соответствий, нельзя, но относиться к этому сопоставлению следует с осторожностью.

Анализируя образ **кентавра**, давший название книге, автор обращается к старому сравнению греческих кентавров и индийских гандхарвов. Прекрасно отдавая себе отчет в том, что с лингвистической точки зрения прямое отождествление кентавров и гандхарвов недопустимо, он высказывает предположение об изменении греческого слова в результате народной этимологизации, во второй

части, возможно, под влиянием образа Минотавра — объяснение остроумное и вполне правдоподобное. Стоит также вспомнить, что А. М. Лубоцкий отнес древнеиндийское «гандхарва» и авестийское «гандерева» к числу субстратных заимствований в индоиранском, выделенных им по нерегулярным фонетическим соответствиям и нехарактерной для индоевропейского структуре корня (Lubotsky 2001). Это объяснило бы и нерегулярность соответствий между индоиранским и греческим. Трудность в том, что пока, к сожалению, не удается отождествить этот субстрат. Сам первооткрыватель связывает его с бактрийско-маргианским археологическим комплексом (БМАК) на том основании, что среди субстратной лексики присутствуют слова, связанные с ирригацией и строительством, но нам неизвестно, на каком языке говорили носители этого комплекса. Не исключено, что мы имеем дело с заимствованием из разных языковых семей: для некоторых слов из списка Лубоцкого вроде бы имеются дравидийские, а для других — северокавказские параллели, но таких случаев мало, и регулярные фонетические соответствия по ним установить не удастся. Гандхарву Л. С. Клейн считает божеством инициации, что весьма вероятно, учитывая, что древнеиндийские гандхарвы были мифологическим воплощением социовозрастных мужских союзов, а также считались, подобно иницируемым юношам, «духами, пребывающими в промежутке между двумя рождениями» (Васильков 2010: 194). Превращение этого божества в кентавра автор книги объясняет тем, что «конь у всех индоевропейских народов связан с божествами воды и загробным миром», миром предков, а иницируемые воспринимались как умирающие и возрождающиеся к новой жизни, благодаря чему бог инициации и обрел облик кентавра, получеловека-полуконя, но подчеркивает, что вопрос требует дальнейшего исследования (стр. 459). Как воплощения этого божества в полуконском облике Л. С. Клейн рассматривает встречающиеся в трипольской и суворовской культурах, в Поволжье и на Северном Кавказе так называемые «скипетры» в виде конских (?)⁷ голов, которые считает инструментами ритуальной дефлорации. Такая трактовка по крайней мере не менее убедительна, чем гипотеза о скипетрах, но по необходимости точно так же сугубо умозрительна.

⁷ Трактовка «скипетров» как именно конских голов далеко не очевидна. Недаром А. А. Иессен, скрупулезный и проницательный исследователь, считал их изображением головы венпра.

Даже простое перечисление всех затронутых в книге тем заняло бы слишком много места. Отмечу лишь, что, как представляется, Л. С. Клейну удалось убедительно отождествить носителей культур баденского комплекса Подунавья с праанатолийцами и проследить пути миграции фригийцев вплоть до границ Индии. Интересны выводы о том, что предки носителей новосвободненской культуры Западного Кавказа (которых автор считает греко-ариями) пришли из Западной Европы, принеся с собой, в частности, обычай воздвижения мегалитических гробниц с «дырками для души», а на месте позаимствовали у носителей майкопской, ближневосточной по происхождению, культуры некоторые черты, впоследствии характерные для ариев (например, окраска покойников охрой и ношение священного шнура, реконструируемое автором по статуэтке из раннемайкопских слоев поселения Мешоко — стр. 321). О фактах, противоречащих предлагаемому Л. С. Клейном отождествлению катакомбников с индоариями (отсутствие в катакомбной культуре колесниц), говорилось выше. Но даже если эта гипотеза и не получит подтверждения, собранный и осмысленный автором материал о сходствах катакомбной и индоарийской культур будит мысль, заставляя по-новому взглянуть на многие проблемы этнической истории. Хотя какие-то конкретные атрибуции могут быть оспорены специалистами в соответствующих областях, главное достоинство труда Л. С. Клейна — в широте взгляда, позволяющей охватить картину этнической истории Евразии от неолита до железного века во всей полноте, для чего иногда приходится жертвовать деталями. Уместно вспомнить изречение Ларошфуко: «*Seux qui s'appliquent trop aux petites choses deviennent ordinairement incapables des grandes*».

Литература

- Васильков 2010 — Я. В. ВАСИЛЬКОВ. *Миф, ритуал и история в «Махабхарате»*. СПб. [Ya. V. VASIL'KOV. *Mif, ritual i istoriya v «Mahabharate»*. SPb.]
- Горелик 1985 — М. В. ГОРЕЛИК. Боевые колесницы Переднего Востока III—II тысячелетий до н. э. // *Древняя Анатолия*. М. [M. V. GORELIK. Boevye kolesnicy Perednego Vostoka III—II tysyacheteletii do n. e. // *Drevnyaya Anatoliya*. M.]
- Грантовский 1998 — Э. А. ГРАНТОВСКИЙ. *Иран и иранцы до Ахеменидов. Основные проблемы. Вопросы хронологии*. М. [E. A. GRANTOVSKII. *Iran i irancy do Ahemenidov. Osnovnyye problemy. Voprosy khronologii*. M.]
- Коган 2005 — А. И. КОГАН. *Дардские языки. Генетическая характеристика*. М. [A. I. KOGAN. *Dardskie yazyki. Geneticheskaya karakteristika*. M.]
- Кузьмина 1994 — Е. Е. КУЗЬМИНА. *Откуда пришли индоарии?* М. [E. E. KUZ'MINA. *Otkuda prishli indoarii?* M.]
- Кулланда 1995 — С. В. КУЛЛАНДА. *Царь богов Индра: юноша — воин — вождь // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности*. М. [S. V. KULLANDA. *Car' bogov Indra: yunosha — vojn — vozhd'* // *Rannie formy politicheskoi organizacii: ot pervobytnosti k gosudarstvennosti*. M.]
- Старостин 1988 — С. А. СТАРОСТИН. *Индоевропейско-севернокавказские изогlossы // Древний Восток. Этнокультурные связи*. М. [S. A. STAROSTIN. *Indoevropisko-severnokavkazskie izoglossy // Drevnii Vostok. Etnokul'turnye svyazi*. M.]
- Старостин 1989 — С. А. СТАРОСТИН. *Сравнительно-историческое языкознание и лексикостатистика // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Материалы к дискуссиям на Международной конференции (Москва, 29 мая — 2 июня 1989 г.)*. Часть 1. М. [S. A. STAROSTIN. *Sravnitel'no-istoricheskoe yazykoznanie i leksikostatistika // Lingvisticheskaya rekonstrukciya i drevneishaya istoriya Vostoka. Materialy k diskussiyam na Mezhdunarodnoi konferencii (Moskva, 29 maya — 2 iyunya 1989 g.)*. Chast' 1. M.]
- Старостин 2007 — С. А. СТАРОСТИН. *Труды по языкознанию*. М. [S. A. STAROSTIN. *Trudy po yazykoznaniiyu*. M.]
- Трубачев 1999 — О. Н. ТРУБАЧЕВ. *INDOARICA в Северном Причерноморье. Реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь*. М. [O. N. TRUBACHEV. *INDOARICA v Severnom Prichernomor'e. Rekonstrukciya reliktov yazyka. Etimologicheskii slovar'*. M.]
- Эдельман 1992 — Д. И. ЭДЕЛЬМАН. *Еще раз об этапах филиации арийской языковой общности // Вопросы языкознания*, № 3. [D. I. EDEL'MAN. *Esche raz ob etapah filiacii ariiskoi yazykovoi obschnosti // Voprosy yazykoznaniiya*, № 3.]
- Эдельман 1999 — Д. И. ЭДЕЛЬМАН. *Индоиранские языки // Языки мира: дардские и нуристанские языки*. М. [D. I. EDEL'MAN. *Indoiranskie yazyki // Yazyki mira: dardskie i nuristanskie yazyki*. M.]
- Эдельман 2009 — Д. И. ЭДЕЛЬМАН. *Некоторые проблемы сравнительно-исторического иранского языкознания // Вопросы языкового родства*. № 1. [D. I. EDEL'MAN. *Nekotorye problemy sravnitel'no-istoricheskogo iranskogo yazykoznaniiya // Voprosy yazykovogo rodstva*. № 1.]
- Beekes 2010 — Robert BEEKES, with the assistance of Lucien VAN BEEK. *Etymological Dictionary of Greek*. Leiden-Boston (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series. Ed. by Alexander Lubotsky. Vol. 10/1—2)
- Benveniste & Renou 1934 — E. BENVENISTE & L. RENOU. *Vrtra et Vrθragna. Etude de mythologie indo-iranienne*. Paris.
- Chantraine 1999 — Pierre CHANTRAINE. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots*. Nouvelle édition mise à jour. Avec un Supplément sous la direction de : Alain Blanc, Charles de Lamberterie, Jean-Louis Perpillou. Paris.
- Gray & Atkinson 2003 — Russell D. GRAY & Quentin D. ATKINSON. *Language-tree divergence times support the Anatolian theory of Indo-European origin // Nature*, vol. 426.
- Horn 1893 — Paul HORN. *Grundriss der neupersischen Etymologie (Sammlung indogermanischer Wörterbücher IV)*. Strassburg.
- Kuhn 1859 — A. KUHN. *Herabkunft des Feuers und des Göttertranks*. Berlin.
- Kuz'mina 2007 — Elene E. KUZ'MINA. *The Origin of the Indo-Iranians*. Ed. by J. P. Mallory. Leiden-Boston. (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series ed. by Alexander Lubotsky. Vol. 3.)

- Littauer & Crouwel 1979 — M. A. LITTAUER, J. CROUWEL. *Wheeled Vehicles and Ridden Animals in the Ancient Near East* (Handbuch der Orientalistik). Leiden/Köln.
- Lubotsky 2001 — Alexander LUBOTSKY. The Indo-Iranian substratum // *Early Contacts between Uralic and Indo-European: Linguistic and Archaeological Considerations*. Ed. by Christian Carpelan, Asko Parpola and Petteri Koskikallio. Helsinki.
- Mallory & Adams 1997 — *Encyclopedia of Indo-European Culture*. Ed. by J. P. MALLORY and D. Q. ADAMS. London / Chicago.
- Parpola 2004—2005 — Asko PARPOLA. The Nāsatyas, the Chariot and Proto-Aryan Religion // *Journal of Indological Studies*, nos. 16—17.
- Starostin 2000 — Sergei STAROSTIN. Comparative-historical linguistics and glottochronology // *Time Depth in Historical Linguistics*. Ed. by Colin RENFREW, April MCMAHON & Larry TRASK. Vol. 1. Cambridge
- Wikander 1938 — Stig WIKANDER. *Der arische Männerbund. Studien zur Indo-Iranischen Sprach- und Religionsgeschichte*. Lund.